

последних по строгости не сопоставимо с качественной характеристикой сущности и объема указанного вида ограничения свободы. Именно поэтому нередко назначение ограничения свободы, которое в соответствии с местом в системе наказаний предусмотрено в санкциях за преступления высокой степени общественной опасности, формирует в среде осужденных мнение о безнаказанности за совершаемые преступления.

Последовательность расположения наказаний в системе гарантирует неотвратимость и справедливость наказания также при определении обратной силы закона, замене неотбытой части наказания более мягким по основаниям, предусмотренным в ст. 91–93, 120 УК, в порядке применения амнистии или помилования, при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 70 УК).

Системность наказаний предполагает четкое определение содержания каждого из видов наказаний, чтобы они могли быть однозначно разграничены друг от друга по характеру и объему заложенных в них ограничений и лишений. В обеспечении системности наказаний важно, чтобы различия в видах наказания могли быть легко идентифицированы не только правоприменителем, но и любым гражданином, чтобы более строгие виды наказания воспринимались как более строгие, а более мягкие как более мягкие. К сожалению, в обыденном и профессиональном правосознании такое размежевание видов наказаний может быть осуществлено не всегда. В частности, некоторые наказания, например исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы с отбыванием в условиях исправительной колонии-поселения, рассматриваются гражданами как равнозначные по тяжести и сущности. Такая ситуация не может быть признана приемлемой как с точки зрения возможности достижения целей уголовной ответственности, составляющих один из критериев системности мер уголовно-правового воздействия, так и с точки зрения реализации принципов уголовного закона и уголовной ответственности.

Системность наказаний проявляется в последовательной, параллельной, неразрывной либо взаимоисключающей реализации различных наказаний, в каждой конкретной их взаимосвязи. Параллельная реализация наказаний имеет место, когда, например, дополнительные наказания не могут применяться самостоятельно, а всегда соединяются с основными. Взаимоисключающая реализация наказаний осуществляется и в случаях, когда лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не может назначаться в качестве дополнительного к расположенным выше в системе наказаний общественным работам и штрафу. Системность наказаний в действии есть взаимогарантированность его элементов, когда от отдельного звена зависит эффективность всей системы, исполнение одного наказания обуславливает исполнение других, способствует исполнению третьих, ибо в этом выражается последовательность и неразрывность реализации наказаний. Например, уклонение от отбывания одних наказаний (несоблюдение требований мер

уголовно-правового воздействия) или их неисполнение является основанием для применения других, более строгих, поэтому выступает криминообразующим признаком целого ряда преступлений против правосудия (ст. 414–422 УК).

Системность наказаний также предполагает установление связей с иными более общими системами, в частности системой мер уголовной ответственности.

Таким образом, система наказаний должна конструироваться под сквозным воздействием принципов уголовно-правовой политики, в том числе неотвратимости ответственности, экономии уголовной репрессии, справедливости. Именно системность наказаний (и иных мер уголовно-правового воздействия) позволяет обеспечить неотвратимость ответственности и, следовательно, осуществлять назначение уголовной ответственности в системе социального контроля.

Библиографические ссылки

1. Понятие, система и задачи уголовного права // Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. Минск, 2002. 496 с.

2. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 339 с.

М.В. Хомич

ОТКАЗ ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ – ИНСТИТУТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ

Институт отказа от уголовного преследования как способ экономии процессуальной деятельности, когда по соображениям социальной целесообразности можно обойтись без применения уголовной ответственности с прекращением производства по делу на досудебной стадии уголовного судопроизводства, в отечественном уголовно-процессуальном праве не нашел своего прямого разрешения. В какой-то мере для этих целей используется институт освобождения от уголовной ответственности. Однако освобождение от уголовной ответственности и отказ от уголовного преследования – это различные по сущности и содержанию институты.

Освобождение от уголовной ответственности допустимо только в отношении лица, признанного виновным в преступном деянии, и должно осуществляться только на судебной стадии процесса по уголовному делу и только на основе разрешения его по существу с установлением всех оснований (включая признание лица виновным в совершении преступного деяния), необходимых для привлечения лица (точнее, возложения по судебному постановлению на лицо) к уголовной ответственности. Суд посред-

ством рассмотрения дела по существу одновременно должен констатировать наличие вины и особых оснований, свидетельствующих о возможности реализации целей уголовной ответственности без ее применения и возложения на виновное в преступлении лицо. Между тем рассмотрение дела по существу в рамках УПК Республики Беларусь завершается вынесением либо обвинительного, либо оправдательного приговора (в случае признания обвиняемого невиновным в совершении преступного деяния вследствие или недоказанности самого факта преступного деяния либо причастности обвиняемого к преступному деянию, или невиновности обвиняемого во вменяемом ему преступном деянии). Если строго соблюдать принцип презумпции невиновности применительно к институту освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, то его разрешение невозможно сегодня не только на досудебной стадии уголовного производства по уголовному делу, но и на стадии судебного рассмотрения, поскольку приговор, констатирующий виновность, делает уже бессмысленным акт освобождения от уголовной ответственности.

С учетом того, что виновным в совершении преступления конкретное лицо признает суд посредством вынесения обвинительного приговора, получается, что презумпция невиновности в любом случае не может быть сохранена (обеспечена), даже если освобождение от уголовной ответственности разрешается на судебных стадиях рассмотрения уголовного дела. Дело в том, что приговор суда в материально-правовом смысле выражает акт осуждения обвиняемого в качестве преступника, т. е. акт возложения (привлечения) его к уголовной ответственности. Говорить в этом случае об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим обстоятельствам поздно.

Строго следуя материально-правовому содержанию уголовной ответственности УК Беларуси связывает процессуальный и материальный моменты ее возложения с актом вынесения обвинительного приговора, которым, разумеется, констатируется признанная судом вина обвиняемого в совершении преступления. В своей первой редакции УК Республики Беларусь 1999 г. недвусмысленно констатировал, что освобождение от уголовной ответственности, как и ее возложение на обвиняемого по основаниям нереабилитирующего характера, – это абсолютная прерогатива суда. Все дело заключается в закреплении процессуальной формы адекватного отражения института освобождения от уголовной ответственности в уголовно-процессуальном законе, что не было сделано.

Таким образом, следует констатировать, что в отечественном праве существует только институт освобождения от уголовной ответственности, который, к сожалению, также пока не получил адекватной процессуальной формы его разрешения.

Более того, вследствие отсутствия в советском уголовном процессе принципиального (правового и фактического) разграничения функции уголовного преследования и функции правосудия, вопрос о процессуаль-

ной форме освобождения от уголовной ответственности на досудебной стадии по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным уголовным законом, был безоговорочно закреплён в уголовно-процессуальном законе без каких-либо изменений.

В процессуальном законе для сглаживания несовершенства процессуальной формы освобождения от уголовной ответственности были разработаны определенные правовые конструкции, оправдывающие освобождение от уголовной ответственности на досудебной стадии без констатации вины обвиняемого в установленном законом порядке. Такой правовой уловкой является то, что прекращение производства по уголовному делу в связи с освобождением от уголовной ответственности не допускается, если обвиняемый против этого возражает (ч. 3 ст. 30 УПК). Предполагается, что его возражение против прекращения производства по уголовному делу может быть связано только с тем, что он не признает себя виновным в инкриминируемом ему деянии.

Между тем задача заключается в том, чтобы разрешить и процессуально подтвердить право органов, осуществляющих уголовное преследование, отказаться от преследования при наличии разумной целесообразности и необходимости, не передавая уголовное дело в суд для его рассмотрения по существу. Зачем проводить в полном объеме предварительное расследование, если очевидно, что суд на основе рассмотрения такого уголовного дела примет решение об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности? Не лучше ли предоставить такое право прокурору на досудебной стадии? Практическая логика такого решения очевидна. Вопрос, однако, упирается в то обстоятельство, что сами по себе нереабилитирующие основания означают тот непреложный и не подлежащий обсуждению факт, что от уголовной ответственности освобождается лицо, виновное в совершении преступного деяния. Прежде чем принять в установленной процессуальной форме решение об освобождении от уголовной ответственности конкретного лица, необходимо признать его на основе конститутивного решения виновным в совершении преступного деяния. И таким конститутивным решением является приговор суда. Органы уголовного преследования таким правом не обладают.

Принимать решение об отказе от уголовного преследования (мы уже говорим об институте отказа от уголовного преследования) органы, осуществляющие такое преследование, могут только по основаниям, в которых безоговорочно фиксируется признание самим лицом своей вины в совершенном преступлении и исключительно на добровольной основе. Именно таким образом (и на таких предпосылках) должны формироваться различные модели и формы института отказа от уголовного преследования как собственно процессуальной формы, обеспечивающей реализацию функций уголовной ответственности, и уголовно-правовые стандарты ее неотвратимости.

Можно ли для этих целей использовать некоторые из оснований, по которым лицо может быть освобождено от уголовной ответственности? Ко-

нечно, можно и необходимо, тем более, что УК в угоду процессуальной форме предусмотрел такие виды и основания освобождения от уголовной ответственности, которые, скорее, отвечают институту отказа от уголовной ответственности. Неизвестно почему были исключены из УК такие виды освобождения от уголовной ответственности, которые были обусловлены системой поручительства за лицо, в отношении которого было принято решение об освобождении от уголовной ответственности.

В связи с этим такие основания освобождения от уголовной ответственности, как деятельное раскаяние (ст. 88 УК) или примирение обвиняемого (подозреваемого) с потерпевшим (ст. 89 УК) – это готовые конструкции, которые могут быть положены в качестве оснований для отказа прокурора от уголовного преследования.

Главное, чтобы при наличии этих оснований лицо с очевидностью признало свою вину в совершении преступного деяния и не просто заявило об этом, а своими действиями подтвердило это. Для процессуального закона остается только дополнить эти базовые основания отказа от уголовного преследования дополнительными условиями (обязанностями), в частности элементами социальной компенсации обществу (государству) вреда, связанного с совершением преступного деяния.

О.К. Хотькина

О ВЫДЕЛЕНИИ ОСОБОГО ТИПА ЛИЧНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРЕСТУПНИКА-КОРРУПЦИОНЕРА

В научной литературе уже давно обоснована необходимость и практическая значимость типологизации преступников. Следует однако иметь в виду, что проблема типологии личности преступника может быть решена лишь на прочной методологической основе. Говорить о личности преступника как о социальном типе можно лишь в том случае, если она отличается каким-либо признаком, которого нет у представителей других социальных типов.

Результаты проведенного исследования, взятые с учетом описания криминологической характеристики личности коррупционного преступника из числа сотрудников УИС, дают основание для выведения типологических особенностей этой категории преступников. Только при определенной систематизации ее черт, свойств и социальных связей криминологическая характеристика личности преступника приобретает научную и практическую значимость, поэтому вполне обоснованной выглядит точка зрения, согласно которой невозможно бороться с преступностью, не учитывая неоднородность контингента преступников, ориентируясь только на индивидуальную неповторимость каждого человека. Это, в свою очередь, достигается путем сведения их в однородные (однотипные) группы – типологии. От ее разработки зависит эффективность деятельности по предупреждению преступности на личностном уровне, в основе которой лежит прогнозирование индивидуального поведения и применение дифференциро-

ванных и индивидуализированных мер профилактического и правового воздействия. По мнению Г.А. Аванесова, «на основании типологии (типизации) можно говорить о различных направлениях изучения личности преступника. Причем применительно не только к общему типу, но и к конкретным категориям лиц, когда учитываются признаки частного порядка» [1]. При этом определяются степень отчужденности личности преступника от общества и окружающей его среды, устойчивость способов поведения данной личности и т. д.

Практическое значение типологии преступников основано на взаимосвязи и взаимообусловленности типа личности и характера совершаемого им преступления. По мнению Г.Г. Зуйкова, преступление, совершенное определенным образом, не только дает возможность говорить о «почерке» преступника, его индивидуальной манере, но и указывает на тип личности преступника. Иначе говоря, «следы» преступления могут свидетельствовать о принадлежности преступника к тому или иному типу личности [2].

Наряду с этим существуют различные подходы к типологизации преступников. Аргументом, служащим обоснованием выделения сотрудника уголовно-исполнительной системы, совершившего преступление коррупционного характера, являются их особые признаки. Вследствие этого личность сотрудника УИС, совершившего коррупционное преступление, как явление типологического порядка есть носитель наиболее общих, устойчивых, существенных социально-психологических черт и свойств.

Теоретическим обоснованием этого является точка зрения, имеющая место в криминологии, согласно которой «заслуживает внимания типологизация отдельных категорий преступников в зависимости от их принадлежности к устойчивой, социально-корпоративной, обособленной группе. К ним, в частности, относятся: работники правоохранительных органов...» [3]. Как известно, учреждения и органы, исполняющие наказания, также относятся к ним.

Исходя из точки зрения Ю.М. Антоныяна, согласно которой работники правоохранительных органов относятся к отдельному типу преступников, логично сотрудников УИС, совершающих преступления коррупционного характера, отнести к особому подтипу преступников из числа работников правоохранительных органов.

Изучение личности сотрудника УИС, совершившего коррупционное преступление, показало, что можно выделить характерные ему личностные особенности и представить их в самом обобщенном виде: правонарушителями коррупционных деяний среди сотрудников УИС являются в основном лица мужского пола; наибольшее число коррупционеров из числа сотрудников УИС совершают преступные деяния в возрасте от 26 до 40 лет; уровень образования пенитенциарных сотрудников-коррупционеров является достаточно высоким; существует определенная связь между стажем практической работы в УИС и уровнем коррупции: по мере увеличения стажа работы возрастает и интенсивность коррупционной деятельности; в большинстве случаев мотивами коррупционного поведения сотрудников УИС является желание улучшить свое материальное положение.